

МЕТОДИКА РАСЧЕТА ВКЛАДА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЕ В ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

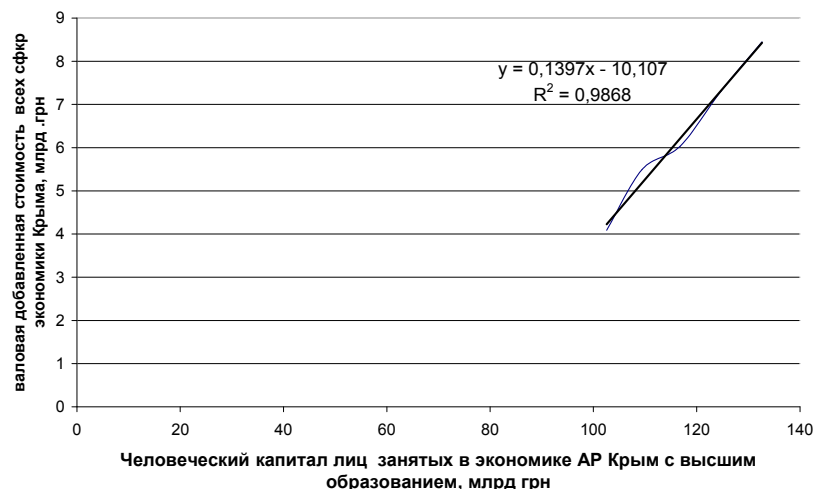

Рис2 Взаимосвязь валовой добавленной стоимостью и человеческим капиталом лиц, занятых в сферах экономики Крыма и имеющих высшее образование.

Из уравнения на рис. 2., которое очень близко к показателям, рассчитанным в уравнении множественной регрессии видна тесная связь и зависимость результатов экономики от доли человеческого капитала лиц с высшим образованием.

ВЫВОДЫ:

1. Подготовка специалистов с высшим образованием позволяет получать обществу индивида, имеющего много дополнительных личностных качеств, таких как коммуникабельность, способность принимать самостоятельные нетривиальные решения, наиболее рационально распределять время. Говоря о влиянии образования на жизнь общества в целом, следует отметить, что оно способствует большей его стабильности.

4. Вклад высшей школы в формирование человеческого капитала характеризуется следующими параметрами; в Украине выпущено 316.3 тыс бакалавров, специалистов, магистров, которые составляют 91.86 млрд грн человеческого капитала. На каждую гривну затрат на государственное финансирование на образование получена отдача 2.5 грн. прироста человеческого капитала.

3. Каждый один миллиард прироста человеческого капитала лиц работающих в экономике Крыма и имеющих высшее образование будут способствовать получению валовой добавленной стоимости на 141 млн. грн.

Прирост человеческого капитала с высшим образованием за последние пять лет в АР Крым составил 3,8 млрд грн, за счет обновления человеческого капитала прирост валовой добавленной стоимости равен 535 млн. грн

Источники и литература

1. И. В. Сорока, И. В. Сименко Инвестиции в человеческий капитал в контексте устойчивого развития экономики Украины //Научные труды ДонГУЭиТ.2005
2. И.Ф. Зинovieв, Р.Э Нафиев Формирование востребованным экономистов, Симферополь, Таврия, 2005. 279 с

Демина Е.Г.

ОБРАЗ ВРАГА В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ 1920 – 1930-Х ГОДОВ

Явление социалистического реализма в русской литературе и культуре 1920 - 1930 годов в последние годы стало объектом самого серьезного анализа. В работах Г. Белой, М. Вайскопфа, М. Голубкова, Б. Гройса, Х. Гюнтера, Е. Добренко, И. Есаулова, Г. Карлтона, К. Кларк, М. Чудаковой и других дано новое представление о соцреалистическом каноне. Наряду с общеизвестными принципами партийности, народности, социального и исторического детерминизма, освещенными академически беспристрастно, раскрываются и такие требования этого метода, которые прежде не декларировались. В их числе – обязательное изображение классовой борьбы и ее объекта – классового врага.

Образ врага, по мнению литературоведов (см. Х. Гюнтер [7]), является одним из основных архетипов советской культуры. Вопрос этот, однако, на сегодняшний день исследован далеко не в полной мере. В частности, нуждается в дополнительном рассмотрении влияние литературной критики, следившей за тем, чтобы в обществе не затухала идеологическая борьба, на литературу 1920 – 1930-х годов.

В 1926 году на страницах журнала «Большевик» развернулась полемика между Л. Авербахом и П. Ионовым. Предметом спора являлась брошюра Л. Авербаха «За пролетарскую литературу», в которой тот отстаивал идеи «разжигания классовой борьбы»[10, с. 41] и «партийного руководства в области литературы»[10, с.43]. Не отрицая необходимости ни одного, ни другого П. Ионов выступал лишь против абсолютности

зации этих убеждений, считая, что руководство литературой «не может быть ни прямым, ни непосредственным. Партия сумеет лишь облегчить стихийный процесс рождения новой пролетарской литературы» [10, с. 39], «единство мирных и насильственных методов классовой борьбы дано уже в форме мирных методов, в форме мирного руководства». Но при этом П. Ионов не отрицал, что «возможности новых обострений классовой борьбы на целые периоды (внутри всей переходной эпохи)» [10, с. 41]. Главный идеолог напостовства Л. Авербах придерживался более радикальных взглядов. «<...> мы за классовую борьбу там, где она неизбежно будет происходить. Мы утверждаем, что процесс неслыханного приобщения масс ко всем областям «духовной культуры», процесс культурной революции будет вести за собой острую классовую борьбу в области идеологии» [1, с. 107].

Этот спор явился отражением партийных дискуссий того времени. Оба критика ссылались на высказывания политических вождей. П. Ионов цитировал тогда еще осторожного в высказываниях Сталина. «В период гражданской войны особенно бьет в глаза насильственная сторона диктатуры. <...> В период строительства социализма, наоборот, особенно бьет в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и т.д. Но из этого опять таки вовсе не следует, что насильственная сторона диктатуры отпала или может отпасть в период строительства» [27, с. 21]. Л. Авербах ссылался на доклад Н. Бухарина на Ленинградской губпартконференции, который по существу говорил то же самое, но уже безо всякой гипотетичности. «В общем и целом у нас классовая борьба будет отмирать, но это не значит, что на определенный промежуток времени она не будет обостряться. <...> И вот сейчас, мне кажется, мы переживаем такой момент, когда у нас классовые противоречия, особенно в деревне обостряются» [2, с. 238].

«Тяга к обязательной мирности, обязательная тяга к затушевыванию факта наличия классовой борьбы – вот истинная подоплека наших споров по вопросу о совместимости или несовместимости господства пролетариата с господством непролетарской идеологии», – так определил Л. Авербах главную линию развернувшейся дискуссии [1, с. 109]. Идеи Л. Авербаха об «усилении классовой борьбы» после окончания гражданской войны поддерживались идеологами большевизма. «Наше искусство, – писал А. Луначарский, – направлено против всех наших врагов, в том числе и против не нашего искусства, потому что «не наше искусство» хотя бы частично всегда направлено против нас, а иногда направлено против нас целиком. Нужно помнить, что театр искусства есть театр военных действий, есть тоже арена классовой борьбы» [15, с. 63].

В критике одним из важнейших критериев оценки литературного произведения стало изображение в нем классовой ненависти, ценность определялась степенью накала этой ненависти. «Литература объединила всех на критическом отношении к прошлому <...>. Такова была организационная задача эпохи» – писал В. Полянский. И продолжал, что именно классовая ненависть основоположника советской литературы позволила Ленину назвать Горького пролетарским писателем, несмотря на его непролетарское происхождение [19, с. 198].

Влияние М. Горького на формирование соответствующего умонастроения литературной критики было действительно велико. «У пролетариата всех, стран должен быть один язык, это – язык непримиримой ненависти к паразитам, хищникам, угнетателям и предателям <...>. Пролетарий, лишенный чувства ненависти и неспособный активно воплощать его в жизнь, – рыба, которой питаются киты капитализма» [6, с. 198]. Таких высказываний в выступлениях и статьях писателя можно обнаружить великое множество, его публицистика советского периода пронизана призывами к ненависти: «Я не способен утешать. Я слишком давно и хорошо знаю, что весь мир живет в атмосфере ненависти, я вижу, что она становится все гуще, активней, благодетельней» [6, с. 249].

Советская критика активно поддержала направление перманентной классовой ненависти, которое М. Горький задал своим творчеством и публицистическими высказываниями. Фетишизация идеи классовой борьбы позволяла критике делить литературу на пролетарскую и не пролетарскую, а писателей по их происхождению – на попутчиков и пролетписателей. Попутчиков предполагалось еще тоньше «дифференцировать по классовому признаку» [5, с. 107]. Соответственно классифицировались и литературные произведения. При этом критиками предусматривался и такой случай, когда произведения, казалось бы, обусловленные бытием рабочего класса, «объективно не в состоянии служить классовой борьбе, ведущейся пролетариатом, т.е. являются произведениями по существу не пролетарскими» [29, с. 178].

Критика требовала от литературы внедрять идею перманентной борьбы в сознание трудящихся, доказывать ее необходимость. «Задача нашей литературы ближайших лет – пропитать духом революции, <...>, классовой борьбы – «интимное» и «обыденное» (слишком часто лишенное даже у передовых людей нашей страны, даже у молодежи духа классовой борьбы, «священной ненависти» к буржуазному и обывательскому)» [5, с. 288].

Под мощным идеологическим влиянием критики литературе прививалась несвойственная ей функция воспитателя ненависти, отрицающей всякий гуманизм. Критика одобряла произведения, избилующие сценами жестокости, если при этом прославлялась классовая борьба. «Животная злоба кулаков, тупость «баб», неустойчивость и стадность поведения середняцкой массы на сходе при попытках самосуда над «живодером» – оставляют жуткое впечатление. Но зато от этих грубовато-натуралистических картин веет духом подлинной классовой ненависти и решительной непримиримой борьбы с варварством жизни современной деревни» [5, с. 317] – писал Г. Горбачев, анализируя повесть Ив. Никитина «Живодер».

Монография того же Г. Горбачева «Современная русская литература» (1928 г.) может служить свидетельством того, как внимательно советская критика следила за тем, чтобы классовая ненависть не угасла в душе пролетарского художника, чтобы он невзначай не проявил «дряблую гуманность» [5, с. 327] к врагу. «Настроения последних уткинских стихов – стабилизационны, т.е. знаменуют потускнение классовой ненависти к врагу; заменяют пролетарскую боевую готовность каким-то лениво-гуманным пацифизмом, осоз-

нением себя преимущественно «человеком вообще» [5, с. 328]. В другом случае критик еще более категоричен: «Гипертрофия гуманности, жалостливости, боязни кровопролития мешает Ляшко дать изображение гражданской войны, конкретно показать неизбежность жестокой расправы с врагами пролетариата» [5, с. 345]. «Большим идеологическим провалом» считала В. Россоловская изображение военной тюрьмы времен империалистической войны, потому что «книга зовет к «гуманности вообще», следовательно, демобилизует, размагничивает» [22, с. 190]. Подмену идей ленинизма идеями гуманизма усмотрела та же В. Россоловская в повести Л. Соболева «Кочевье»: «<...> вся действительность показана в ней не с точки зрения пролетариата, заинтересованного в уничтожении всякой и всяческой эксплуатации <...>, а с точки зрения буржуазного гуманиста, мечтающего о всеобщем благе (чтобы «всем было хорошо»)» [21, с. 189].

Позже на Первом съезде писателей гуманизм, казалось бы, полностью преодоленный в двадцатые годы, явился в новом «обновленном» качестве. Как важную его составляющую поэт А. Сурков попытался внедрить в это понятие ненависть. «У нас по праву входят в широкий поэтический обиход понятия любовь, радость, гордость, составляющие содержание гуманизма. Но некоторые молодые (да и не молодые иногда) поэты как-то сторонкой обходят четвертую сторону гуманизма, выраженную в суровом и прекрасном понятии ненависть» [28, с. 514].

В гражданскую войну с классовым врагом, казалось, было покончено, идеологами разрабатываются утопические проекты всемирной революции и более прагматичные теории бухаринского толка о «постепенном затухании классовой борьбы» и «врастании частника в социализм». [32] Но «затухания классовой борьбы и мирного «врастания в социализм после окончания гражданской войны» не произошло. Недовольство политикой военного коммунизма не только в крестьянской среде, но и среди рабочих было объявлено мелкобуржуазными настроениями. Против «мелкобуржуазной стихии» были консолидированы все силы, – была ликвидирована многопартийность, отменена свобода слова и печати, объявлена усиленная борьба с инакомыслием.

Новая экономическая политика привлекла к хозяйственному строительству беспартийных специалистов, но большевистская пропаганда тут же сделала их ответственными за все неудачи и трудности переходного периода. М. Горький писал в 1930 году: «Внутри страны против нас хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-коллективистов убийствами, поджогами, различными подлостями, – против нас все, что отжило сроки, отведенные ему историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдается, – его уничтожают» [6, с. 92].

Пропагандистские идеи и лозунги государственного терроризма, как в зеркале, отразились в художественной литературе и критике. «Диалектика нашей жизни и борьбы состоит в том, что, борясь за отмирание государства, мы стоим сейчас за укрепление пролетарской диктатуры, борясь за уничтожение классов, мы стоим сейчас за беспощадную классовую борьбу. Это противоречиво? Да, противоречиво. Но противоречие это жизненное», – ссылаясь на доклад Сталина на XVI съезде партии» [20, с. 218], – писал в 1932 г. критик журнала «Октябрь».

В 1920 – 1930 в литературе враг чаще всего выступал в образе интеллигента, буржуазного специалиста, крестьянина-середняка. Понятия «враг народа», «вредитель», «зверь кулак», «контрреволюционер», «двурушник» с газетных передовиц переместились в поэзию и прозу. Из произведения в произведения стали кочевать, одобренные критикой образы «спеца» («типичный ловкий, обходительный, дельный, в меру жуликоватый, насквозь буржуазный и по-буржуазному легко приспособляющийся» [5, с. 299]) и «кулака» («хитрого и умелого хозяина, домашнего деспота, умеющего обойти и мужиков ласковыми речами, и своих батраков подачками и угощением» [5, с. 307]).

Правда в конце двадцатых, вследствие некоторого ослабления классовой борьбы во время нэпа, допускался сниженный образ врага, вызывающий не ненависть, а сочувствие – как, например, «чужак-библиотекарь» Григорий Нилыч, в рассказе С. Буданцева «Японская дуэль», этот герой ощущает «свою неприспособленность, свое бессилие» перед людьми, сваливающими в сараях и коридорах сельскохозяйственного института редчайшие экземпляры книг, он «хочет бороться, хочет мстить <...>, безоружный, жалкий в своем бессилии, смешной интеллигент, он мстит собственным уничтожением. Он сжигает всю картошку, весь библиографический свод – труды всей своей жизни» [30, с. 256].

С выдвиганием Сталиным тезиса об обострении классовой борьбы, критика потребовала от писателей показать вредителей, достойных ненависти, с изображением «глубоких внутренних причин действия врага, его целей». В. Солнцева, разбирая образы врагов в романе Н. Протвы, заключает: «Давать классового врага таким неумным, никчемным, простым и глупым, ясным как на ладошке, – значит упрощать, снижать его» [25, с. 223].

Освещающая громкие судебные процессы, публицистика, в том числе и литературная, не только оказывала идеологическое воздействие на писателей, но и способствовала формированию образа врага в сознании читательских масс. В августовском номере журнала «Красная новь» за 1928 была напечатана статья Г. Крумина «Шахтинское дело». Подобными статьями были переполнены все периодические издания того времени, нацеленные на «разоблачение» идейно чуждого внутреннего содержания у людей, признавших новую власть и ведущих советский образ жизни. Это заставляло видеть врага в соседу, сослуживце, родственнике и т.д., нужно только проявить бдительность. «Бдительность наша к деятельности классового врага, – призывал Г. Крумин со страниц «Красной нови», – внутри страны, внутри наших организаций должна в несколько раз возрасти». [13, с. 152]. Призывы к выявлению врагов народа не прошли бесследно. «Предшественники вредительства» – заголовок статьи Р. Катаяна в той же «Красной нови» 1931 года. Статья, «разо-

блачавшая» взгляды российского экономиста-аграрника, литератора А. Чайнова, изложенные им 1920 г. в книге «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» и «группы журнала «Экономист» яркий пример большевистской борьбы с инакомыслием. «Из утопической фантазии г. Чайнова можно сделать лишь один вывод: подготовка к военной диктатуре была не праздно болтовней размагниченных интеллигентов, а политической программой Трудовой крестьянской партии» [11, с. 120].

Бдительность критики проявилась в обнаружении образов потенциальных вредителей даже среди героев произведений. Критик А. Глаголев, анализируя на страницах журнала «Новый мир» образ техника Хилкова («Пустыня» П. Павленко), «показательного аристократа и специалиста, честно работающего на революцию» подчеркивал, что честной работы на революцию не достаточно. «Хилков глубоко равнодушен к своему, казалось бы родному делу – к инженерии. Хилков – культурный мертвец. <...> Хилков «прилепляется» к новой жизни посредством приобретения «защитного» цвета, соответствующего «костюма», «стиля» речи и т.п., посредством мимикрии». Честному, но равнодушному к новой идеологии специалисту критик вынес такой приговор: «Хилков и ему подобные представляют благодарную идейно-социальную почву для произрастания тайного вредительства». [3, с. 177].

Классовая мораль и новая идеология диктовали литературе не только образы врагов, но, и в качестве положительных героев – бдительных и беспощадных их изобличителей. Одна из центральных сцен в пьесе А. Афиногенова «Страх» – арест контрреволюционера профессора Котомина. Профессор Бобров, его любимый ученик, давно расходящийся с ним во взглядах, но не решавшийся из-за «интеллигентского либерализма» выступить против учителя, именно теперь в момент ареста, когда с точки зрения старой этики, он был бы обязан поддержать Котомина, выступает против него. «И симпатии внушает именно Бобров – «предатель», с точки зрения отвлеченной морали, которой прикрывались буржуазные представления. Драматург показывает, что «не предать» учителя – это значит предать трудящихся, против которых готовил заговор Котомин. Снова и снова здесь подчеркивается, что есть чувства более высокие, чем личные привязанности и симпатии, что нет отвлеченных этических понятий, что наше понимание чувства долга отличает нас от буржуазной литературы» [12, с. 412], – комментировал эту ситуацию В. Киришин.

В пантеоне врагов образ «внутрипартийного врага» обнаруживался не сразу. Как бы не решаясь сразу назвать человека с партбилетом врагом народа, социалистический реализм сначала дал образ разложившегося коммуниста, которого сразу же подметила критика. (См. рецензии на повесть «Желтая река» А. Арсенева [5, с. 293], «Лахудрин переулоч» Л. Грабаря [5, с. 302]).

Не менее богата образами врагов крестьянская тема. Критика приветствовала типы хитрых кулаков, находя их даже в произведениях, описывающих события XVIII века. Рецензируя книгу А. Караваевой «Золотой клух. Повесть о дальних днях», посвященную событиям XVIII века, И. Ежов обращал внимание читателя на то, что кулак, «гораздо гнуснее» темных предателей «из среды заводских рабочих-крестьян. <...> Кулаки – это уже сознательные враги рабочих и крестьян» [9, с. 220].

С началом коллективизации основные типы советской литературы были растиражированы настолько, что критика заговорила о шаблонности сюжетов: «вот «новый человек» или «живой человек» деревни, вот кулак, вот поп, вот крестьяне-общественники, вот комсомол (или кандидаты в него), вот селькор. И, судя по общему трафарету, «новый человек» станет проводить коллективизацию, кооперирование, реконструкцию земледелия на новой технической базе и проч., а кулаки с попами – всячески мешать, вплоть до убийства». Но критике подвергалась не шаблонность сюжетов, а изображение «баррикады без характерных, многоцветных ее разновидностей». Роман М. Карпова «Пятая любовь» получил высокую оценку литературных экспертов за умение «вкладывать баррикаду» в образы и роли» [8, с. 223]. «Очень удался Карпову тип кулака Алексея Савохина. Алексей Савохин ловко вернул себе «свою», не записанную при национализации мельницу; перестраивая ее, подпавшая плохо оплачиваемых рабочих <...>. Самая хитрость его смешана с «русским» добродушием и искренней верой в свою доброту. Но если надо, он может быть и зверем, коль скоро дело касается его прямых интересов. Из многочисленных в пролетарской литературе образов кулаков, – Савохин – наиболее жизненная фигура» [5, с. 320].

В. Ставский в своем выступлении на Первом съезде писателей, анализируя произведения молодых писателей, приходил к выводу, что «вместе с утверждением нового авторы активно разоблачают старое лицо классово-чуждых элементов, пробравшихся в ряды пролетариата. Образы кулацкой агентуры, рвачей, лодырей в книжках даже более яркие, чем портреты передовиков» [26, с. 588].

К неудачным критика относил, в первую очередь произведения, в которых классовая борьба изображалась с недостаточным градусом ненависти. Не обнаружив в романе Я. Коробова «Дема Баюнов» «существеннейших вещей»: «накала революционности», «внутриатомной революционной энергии сельской массы», критик А. Дивильковский требовал «самых серьезных поправок, с точки зрения объективной фактической действительности» [8, с. 227].

О том, насколько значим для критики 1920 – 1930 годов образ врага, можно судить по полемике, развернувшейся на страницах журнала «Октябрь». Поводом к ней явилась публикация романа В. Ильенкова «Ведущая ось». Характеризуя его роман, критики были единодушны в том, что показ классовой борьбы, изобличение врага и есть воплощение принципа партийности в литературе. «Изобразить людей класса и партии в действии; художественно дать их в действии – показать их в ожесточенной борьбе классов, следовательно, также вскрыть, разоблачить классового врага» [17, с. 233–234], – утверждал И. Нович. «Партийность в художественном выражении какой-либо идеи пролетарским художником, – соглашался с И. Новичем А. Селивановский, – выражается в таком образном воспроизведении объективной диалектики действительности, при котором становятся ясны ведущие тенденции последней, правота одних и неправота других общественных групп и героев, их близость или враждебность делу социалистической революции пролета-

риата [24, с. 159].

Всячески пропагандируя правдивость в качестве основного принципа социалистического реализма, критика тех лет понимала правдивость как изображение действительности с точки зрения интересов пролетариата. «Далеко не все умеют видеть действительность, такой, какова она есть, – разъяснял в статье «О действительности» М. Горький, многие все еще смотрят в настоящее из прошлого, издали, искоса, и для многих невидим, непонятен главный деятель настоящего свободная социалистически организуемая, паразитически продуктивная энергия рабочей массы» [6, с. 170 – 171].

Такой подход к изображению действительности, требующий особой большевистской правдивости определял жесткие рамки литературы и позволял большевистской критике называть клеветой на советскую власть произведения, отражающие жизнь в ее реальной действительности, а писателей относить к врагам народа. Рецензия Т. Николаевой на роман В. Гоманова «Гольш» заканчивается словами «Вольно или невольно автор превратился в классового соучастника кулачества, которому единственно выгоден тот критерий по отношению к бедняку, которым пользуется Гоманов, и такое пасквильное клеветническое изображение создания колхозов». Такую оценку критике автор заслужил за то, что «санкционировал кулацкую формулу: бедняк – лодырь, лодырь – бедняк» [16, с. 187]. Отсутствие пролетарской правдивости усматривал критик А. Глаголев в романе Л. Гумилевского «Головорезы», посвященном школьникам-пионерам. «Классовый подход к взаимоотношениям деревни и пионеров у Гумилевского отсутствует, деревня социалью не дифференцируется. Классовые корни деревенской вражды к пионерам – «красным барчатам» – не вскрываются. Вражда истолковывается не как результат воздействия кулаческих элементов, а как неприязнь к городу деревни «вообще» [4, с. 197].

От таких выводов рукой подать до прямых обвинений писателей во вредительстве, которые очень скоро примут массовый характер. «Недостаточная бдительность и гнилой либерализм, собственно и позволили врагам народа проникнуть в литературу, свить гнезда в различных литературных организациях и проводить свою подрывную контрреволюционную работу». [23, с. 242]. Анализ литературно-критических выступлений 1920 – 1930-х годов, таким образом, показывает, что в критике превалировали идеологические, а не художественные установки, требовалось изображение «не жизни вообще», – а классовой борьбы, «не человека вообще», – а борца с отжившим строем, отрицался гуманизм (за исключением странного гибрида гуманизма-ненависти). И наряду с положительным героем в качестве обязательной фигуры в соцреализме выдвигался образ врага. Все это позволяет сделать вывод о каноничности образа врага для литературы социалистического реализма.

Источники и литература

1. Авербах Л. О пролетарской культуре, «напостовской путанице» и большевистских аксиомах // Большевик. – 1926. – № 7–8. – С. 101 – 114.
2. Бухарин Н.И. Доклад на XXIII чрезвычайной Ленинградской губернской конференции ВКП (б) 10 – 11 февраля 1926 г. / Н.И. Бухарин // Избранные произведения. – М.: Политиздат, 1988. – 499 с.
3. Глаголев А. «Пустыня» П. Павленки // Новый мир. – 1932. – кн. 1. – С.174–183.
4. Глаголев А. [Рецензия] // Новый мир. – 1932. – кн. 1. – С. 196–197. – Рец. на роман Гумилевский Л. Головорезы М.: Федерация, 1931. – 310 с.
5. Горбачев Г. Современная русская литература. – Л.: Прибой, 1928. – 375 с.
6. Горький М. Если враг не сдается, – его уничтожают: Сборник публицистических статей. – М.: Госиздат, 1938. – 342 с.
7. Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон: Сборник / Общ. Ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. – СПб.: Академический проект, 2000. – 1040 с.
8. Дивильковский А. Наша деревня в зеркале романа // Красная новь. – 1928. – кн. 7. – С. 213 – 227.
9. Ежов И. [Рецензия] // Красная новь. – 1927. – кн. 12. – С. 217 – 221. – Рец. на кн. Караваевой А. Собрание сочинений, т. 1. – М.;Л.: Госиздат, 1927. – Золотой ключ. Повесть о дальних днях. – 327 с.
10. Ионов П. О пролетарской культуре, напостовской путанице и панике перед «литкулом» // Большевик. – М.: Правда. – 1926. – № 4. – С. 37 – 48
11. Катаян Р. Предшественники вредительства // Красная новь. – 1931. – кн. 2. – С. 117–128
12. Киршон В.М. За социалистический реализм в драматургии // Первый Всесоюзный съезд советских писателей. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 396–416
13. Крумин Г. Шахтинский процесс // Красная новь. – 1928. – кн. 8. – С. 142 – 153.
14. Кушнер Б. Причины отставания // Красная новь. – 1930. – кн. 11 – С. 131–141.
15. Луначарский А.В. Художественная литература – политическое оружие / А.В. Луначарский // Литература нового мира: Обзоры. Очерки. Теория. – М.: Сов. Россия, 1982. С.50–63.
16. Николаева Т. [Рецензия] // Красная новь. – 1931. – кн. 7. – С.187. – Рец. на роман Гоманова В. Гольш. М.: Московское Товарищество писателей, 1931. – 200 с.
17. Нович И. О «Ведущей оси» и задачах пролетарской литературы // Октябрь. – 1932. – кн. 5–6. – С. 221 – 245.
18. Нусинов И. М. Горький и социалистический реализм // Октябрь. – 1934 – кн. 6. – С. 156 – 165.
19. Полянский В. Литература – орудие организации и строительства // Новый мир. – 1928. – кн. 7 С. 195 – 204.
20. Разин И. К новым победам // Октябрь. – 1932. – кн. 5–6. – С. 213 – 220
21. Россоловская В. [Рецензия] // Красная новь. – 1932. – кн. 7. – С. 189 – 190. – Рец. на повесть Со-

ловьева Л. Кочевье РОПКП, 1932.– 164 с.

22. Россоловская [Рецензия] // Красная новь. – 1931. – кн. 7. – С.189 – 190. – В. Рец. на кн. Макарова И. На земле мир. – Записки тюремного надзирателя. М.: ГИХЛ, 1931. – 93с.

23. Саратовский П. На вечере в «Новом мире»// Новый мир. – 1936. – кн. 9 С. 242 – 252.

24. Селивановский А. О ведущей оси пролетарской революции // Октябрь. – 1932. – № 4. – С. 141 – 161.

25. Солнцева В. [Рецензия] // Красная новь. – М.: Госиздат, 1933.– кн. 1. – С. 222 –224. – Рец. на роман Протва Н. Узлы. М.: Молодая гвардия, 1932. – 159 с.

26. Ставский В.П. О литературной молодежи нашей страны// Первый Всесоюзный съезд советских писателей. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 578 – 598.

27. Сталин И.В. К вопросам ленинизма./ И.В. Сталин // Вопросы ленинизма. – М.;Л. ГИЗ. – 1929. – № 12 – 20. – С. 5 – 66.

28. Сурков А.А. Речь// Первый Всесоюзный съезд советских писателей. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 512 – 515.

29. Усиевич Е. За чистоту ленинизма в литературной теории (О некоторых литературных взглядах т. Авербаха) // Октябрь. – 1932. – кн. 8. – С. 169 – 184.

30. Шафир А. [Рецензия] // Красная новь. – 1928. – кн. 1. – С. 254 – 256. – Рец. на рассказы Буданцева С. Японская дуэль. – Прибой, 1927. – 213 с.

31. <http://www/iris.ru/attach-downland-id>.

Гончарук Н.В.

СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ ВИНОГРАДАРСТВО И РЕФОРМИРОВАНИЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Постановка проблемы.

В городе Севастополе виноградарство является традиционной отраслью.

Виноградо-винодельческая отрасль Севастопольской зоны представлена шестью крупными виноградо-производящими предприятиями, семью винзаводами. Также в регионе функционирует множество мелких частных предприятий. Производство винограда и его переработка – специализация большинства сельскохозяйственных предприятий города. Однако сейчас отрасль переживает трудное время, и значительный удар терпит в процессе реформирования агропромышленного комплекса, смены форм собственности. Как ожидалось, процесс реструктуризации сельскохозяйственных предприятий повсеместно не дал положительного результата. Формирование новой структуры производства и управления предприятиям не во всех случаях привело к лучшему результату. А в некоторых случаях даже вызвал «развал» предприятия.

Многие ученые, такие как Гайдуцкий П.И. [1], Гумеров Р.Г. [11], Дворецкая Г.В [2], Ежов В.Н. [3], Генкин Б.М [4], Авидзба А.М. [1], Афанасьев В.Г. [5] и другие занимались перспективами стабилизации и развития виноградо-винодельческой отрасли однако развитие виноградо-винодельческой отрасли Севастопольского региона в условиях рынка авторы рассматривают в незначительной степени, либо не рассматривают вообще.

Целью данной статьи является оценка состояния реформируемых предприятий виноградо-винодельческой отрасли Севастопольского региона и выявление проблем развития данных предприятий.

В соответствии с поставленной целью в статье решаются следующие задачи:

1. Анализ состояния реформируемых сельскохозяйственных предприятий Севастопольского региона;
2. Оценка тенденции развития виноградных насаждений реформируемых предприятий;
3. Определение продуктивности многолетних насаждений реформируемых предприятий;
4. Определение основных проблем реформируемых предприятий;
5. Предложения о направлении стабилизации и развития реформируемых сельскохозяйственных предприятий.

С принятием Верховной Радой Украины от 13.03.1992 года Закона Украины «О формах собственности на землю» [6], земельного Кодекса Украины [7] началось реформирование земельных отношений в аграрном секторе экономики.

Активизировались эти работы в 1994 году в связи с изданием Указа Президента «О неотложных мерах по ускорению земельной реформы в сфере сельскохозяйственного производства» [8] и поистине стали первым этапом преобразований на селе.

Во исполнение данного Указа в городе Севастополе произведен анализ сельскохозяйственных предприятий и определены земли, которые в соответствии со ст. 4 Земельного Кодекса не могут передаваться в коллективную собственность. На основании решения общих собраний членов хозяйств, а также проектов разгосударствления и приватизации земель сельскохозяйственного назначения была осуществлена передача земель в коллективную собственность.

Второй этап реформирования, связан с формированием основ частной собственности на землю на базе паевания коллективной собственности, данный этап также получил свое развитие с изданием в 1995 году Президентом Украины, Указа «О порядке паевания земель, переданных в коллективную собственность сельскохозяйственным предприятиям» [9]. В этот период в регионе были выполнены работы по денежной оценке сельскохозяйственных предприятий, уточнены списки граждан, которые имеют право на земельный пай, определены стоимость и размер земельной доли, в каждом реформируемом хозяйстве, разработана и